

Патюкова Регина Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры связей с общественностью и социальных коммуникаций
Кубанского государственного университета
patukovaregina@rambler.ru

**РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА
КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ СУЩЕСТВОВАНИЯ
ДУХОВНЫХ ГРАМОТ РУССКИХ МОНАРХОВ XIV–XVI ВВ.:
ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация:

Данная статья посвящена анализу духовных завещаний великих русских князей XIV–XVI вв. Цель исследования – выявление религиозной лексики, а также ее политической реализации в монарших письменных документах средневековой России.

Ключевые слова: духовная грамота, религиозная лексика, диахронический аспект.

Исследование текста-первоисточника издавна привлекало внимание ученых-лингвистов и историков всех стран. Их можно назвать культурным наследием народа. В тексте-первоисточнике, принадлежавшем перу яркого политического деятеля определенной исторической эпохи, как в зеркале, отражается культура, быт, традиции и история государства. С позиции изучения царского подвига [1, с. 199-200] политического вида дискурса того времени духовная грамота представляет собой достаточно интересный тип текста эпистолярного жанра русских монархов XIV–XVI вв.

Далее для осуществления успешного исследования становится необходимым определиться с понятием «грамота» и соответственно «духовная», в некоторых источниках «душевная грамота». Обосновать ее статус и функциональную направленность. Основной задачей представленной статьи будет являться выявление религиозной лексики, а также ее политической реализации в монарших письменных документах средневековой России. Как видно из определения, представленного юридическим словарем, грамота это – «письменный акт официальный или частный, в России X – начала XX в., свидетельство на пожалование лицу или общине прав, владений, наград, отличий (Данная грамота, Жалованная грамота и др.) или о совершении каких-либо сделок, установлении каких-либо отношений (Купчая грамота, Уставные грамоты и др.). Старинное название всякого документа, письма» [2]. В средневековой России существовало множество вариаций грамот законодательного юридического акта. Среди них: жалованные, верительные, известительные, уставные, судные, ратификационные, духовные и другие. Что касается последней, то в контексте нашего дальнейшего исследования ее анализ заслуживает более пристального внимания.

Понятие «духовная грамота» достаточно полно раскрывает «Современный толковый словарь русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой. Духовная грамота – это «завещание в России XII–XVIII вв. Духовная грамота великих и удельных князей XIV–XVI вв. – важный источник по социально-экономической и политической истории Северо-Восточной Руси. В XVIII

в. термин «духовная грамота» постепенно заменялся названием «духовное завещание» [3]. Опираясь на определение, изложенное выше, можно вывести свое толкование данного явления, а также определиться с целями его реализации. Это – юридический документ средневековой России, регулировавший правовые отношения наследования имущества между родственниками княжеской особы, а также предсмертное волеизъявление, наставление и завет потомкам. По нашему мнению, Духовную грамоту можно назвать предшественником юридической формы завещания современной России.

Исследуя Духовную грамоту с позиций сферности употребления, можно с уверенностью заявить о том, что ей будут присущи черты как публичной, так и приватной сферы. Изначально по своей функциональной направленности она имеет статус приватности. Адресантом выступает монарх, адресатом является очень узкий круг людей (семья, родственники, приближенные). Полагаясь на первоисточники, а это духовные грамоты русских монархов, начиная с князя Ивана I (Калиты) – 1339/14 в. и заканчивая великим князем Иваном IV (Грозным) – 1572/16 в., замечено то, что одному и тому же монарху принадлежат две и более духовные грамоты, датированные разными годами. Например: Василий I оставил в истории целых три духовных завещания. Первое датировано 1406–07/15 в.; второе – 1417/15 в.; и третье – 1423/15 в. Наличие этого факта позволяет выявить причины возникновения нескольких завещаний у одного и того же князя за столь короткий период времени. По всей видимости, причиной могло стать не только плохое самочувствие монаршей особы, но также и социально-политические сложности, которые возникали в то время в государстве и за его пределами. Отправляясь на войну, монарх на случай своей гибели и как следствие, во избежание чехарды при разделе имущества, обязательно оставлял завещание в виде духовной грамоты своим близким. Например, первая духовная грамота Дмитрия Донского появилась за долго до его смерти и в связи с походом на Тверь в 1375 г. Яркой иллюстрацией к вышесказанному может стать начало духовного завещания Василия III.

Князь Василий III – 1523/16 в.

Во имя Святыя живоначальныя Троица, и по благословению отца нашего Данила, митрополита всеа Русии, пишу сию запись, идучи на свое дело к Казани [4, с. 415].

Из приведенного фрагмента мы видим, что перед военным походом глава семейства и государства вынужден был оставить определенный завет. Таким образом, до тех пор, пока князь не уходил в мир иной, а духовная грамота единственная или последняя не была оглашена, ее характер был приватным [5, с. 97-103]. И только после смерти монаршей особы духовное завещание приобретало статус публичности, когда возникала необходимость опубликования приватных моментов семейно-родственных отношений.

Содержательная сторона текстов завещаний русских князей заслуживает особо пристального внимания. С точки зрения выбора лексики доминантной составляющей в исследуемом пространстве прослеживается религиозная. Не секрет, что употребление лексики религиозной направленности в дискурсе политических деятелей встречается на всем протяжении существования цивилизации. Переплетение монаршего и религиозного дискурсов обусловлено тем, что Церковь выступала и продолжает выступать мощнейшим инструментом влияния на общественное сознание. Власть религии столь же значительна, сколь влиятельна власть эффективной политики. Опираясь религиозной лексикой, политик взывает к помощи сверхъестественного, всемогущего, он предстает в роли заместителя Бога на земле.

Лексическая наполненность Духовных грамот русских великих и удельных князей изобилует религиозным контентом. Все завещания начинаются практически одинаково с молитвы. Князья в свидетели своего волеизъявления призывают Святую Троицу (Отца, Сына и Святого Духа), сознательно принижая себя такими эпитетами, как «грешный, худый, раб Божий...»:

Князь Иван I (Калита) – 1339/14 в.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се яз, грешный худый раб Божии Иван, пишу душевную грамоту,... [4, с. 7-9].

Князь Дмитрий (Донской) – 1389/14 в.

Во имя Отца и Сына и Святаго духа, се яз, грешный худый раб Божий Дмитрий Иванович, пишу грамоту душевную целым своим умом... [4, с. 33-37].

Далее тексты завещаний разнятся в зависимости от лингвоперсоналии и от политического состояния государства на момент речедействия. В Грамотах, которые в большей или меньшей степени «пропитаны» религиозной лексикой, прослеживаются оттенки образности и эмоциональности. Присутствие в них божественного контента как бы «оживляет», вопреки бренности человеческого бытия. И, несмотря на столь трагический момент – опубликование завещания (смерти монарха), наличие в нем религиозной составляющей умиротворяет и придает уверенность в завтрашнем дне. В их представлении принципиальны образность и соотносительная с нею религиозная лексика. В духовных грамотах монархов прослеживается употребление ряда соответствующих единиц. Это единицы: «Бог», «Христос», «Господь», «благословлять» «благословление», «троица», «святой дух» и т.п. Далее по различным академическим словарям, в той или иной степени ориентирующих современного читателя на адекватные дефиниции старинных христианских концептов, приводим толкование наиболее интересной в аспекте нашего исследования лексики – «благословлять»: **«Благословить, влю, вишь, сов. (к благословлять). 1. кого-что. У христиан: совершить обрядовое действие (знамение креста), к-рому приписывается значение наделения благодатью. 2. кого-что. Совершить над кем-н. обряд благословения (во 2 знач.). 3. кого-что. Возблагодарить; признать прекрасным, разумным, одобрить (книжн. устар.)» [6, с. 67]. «Благословить, -влю, -вишь; сов., кого-что. 1. У религиозных людей: перекрестить (как бы передавая этим знаком покровительство, пожелание счастья, удач и т.п.). 2. Напутствовать (высок.). Благословить на ратный подвиг. 3. Воздать благодарность кому-чему-н. (устар.)» [7, с. 45].**

При анализе практически всех духовных грамот великорусских князей отмечается реализация значения глагола благословлять во всех его проявлениях. Мы наблюдаем акт благословения как обрядовый завет, передающийся на Руси от отца к сыну. В рассматриваемом аспекте религиозная лексика выступает дискурсивным средством реализации межпоколенческой связи.

Князь Дмитрий (Донской) – 1389/14 в.

А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем. А сына своего благословляю, князя Юрья, своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовское. А сына своего, князя Андрея, благословляю куплею же деда своего, Белымозером, со всеми волостми, и Вольским с Шаготью, и Милолюбский ез, и с слободками, что были детей моих. А брат мой, князь Володимер, ведает свою треть, чем его благословил отец его, князь Андрей [4, с. 33-37].

Князь Василий I – 1406–07 /15 в.

А сына своего, князя Ивана, благословляю иконою Парамшина дела, с чепью, чепь с камнем, што ми благословил отец мой, князь великий. [4, с. 55].

Князь Василий I – 1423/15 в.

А сына своего благословляю, князя Василья, страстми болшими, да крест честный животворящий патриаршь Филофеевский. А сына же своего благословляю, даю ему икону Парамшина дела, да чепь хресчатую, что мя благословил отец мой, да шапку золотую, да бармы, да пояс золот с камнем, что ми дал отец мой, да другой пояс мой на чепех с камнем, а третей пояс ему же на синем ремени. [4, с. 60-62].

Князь Василий II Темный – 1461–62/15

А сына своего старейшего Ивана благословляю своею отчиною, великим княженьем. А даю ему треть в Москве и с путми, с моими жеребьи, чем мя благословил отец мой, и Добрятинским селом с бортью,...

А чем его благословила моя мати, великая княгини Софья, его баба, и в душевной ему в своей написала,... [4, с.193-199].

Царь Иван IV (Грозный) – 1572/16 в.

А бог даст мне с женою своею с Анною дочерь, и аз ее благословляю, даю город Зубцов с волостми, и путями, и с селы, и со всеми пошлинами... Да благословляю жену свою Анну, даю ей город Ростов, с волостьми...[4, с. 426-434].

В последней иллюстрации мы наблюдаем благословение царем Иваном IV (Грозным) своего еще пока неродившегося наследника. Во всех приведенных фрагментах происходит реализация первого значения глагола «благословлять» – наделять благодатью, завещать блага.

Достаточно часто в завещаниях встречается употребление анализируемого глагола во второй номинации, а именно в значении напутствия, благословения на ратный подвиг. В средние века Князья, отправляя сыновей в военные походы, напутствовали их своим отцовским благословением. Обрядовое крестознамение придавало воинам-христианам силы в бою, ощущения защищенности и неуязвимости.

Присутствие в духовных грамотах такого образного контента, как религиозная лексика позволяло реализовать одну из основных функций духовных грамот, а это – завет и наставление потомкам. Этот факт ярко прослеживается в духовном завещании Ивана Грозного.

Царь Иван IV (Грозный) – 1572/16 в.

Се заповедаю вам, да любите друг друга, и бог мира да буди с вами. Аще бо сия сохраните, и вся благая достигните; веру к богу твердо и непостыдну держите, и стоите, и научитися божественных догматов, како веровати, и како богу угодная творити, и в какове оправдании пред нелицымерным судиею стати. То всего больше знайте: православную христианскую веру держите крепко, за нее страждите крепко и до смерти. А всякому делу навикайте, и божественному, и священническому...[4, с. 55].

Самое длинное, а также яркое с позиций образности и эмоциональности завещание принадлежит перу последнего великорусского Князя и первого Русского царя – Ивану Грозному. Данный факт обусловлен неординарностью самой личности автора. Примечателен тот факт, что в отличие от своих предшественников, Русский монарх первый и единственный оформляет номинации божественного, такие как: «Отец», «Сын», «Святой дух», «Троица», «Господь», «Бог» и т.п. с первой строчной буквы. Скорее всего, таким образом происходит сознательное стирание границы между земным смертным и сверхъестественным божеством. Монарх подчеркивает свое собственное абсолютное величие в роли наместника Бога на земле, тем самым демонстрируя безраздельное божественное покровительство, а соответственно, как следствие и неограниченную власть в управлении государством, что доказательно в иллюстрации следующего фрагмента духовного завещания.

Царь Иван IV (Грозный) – 1572/16 в.

Во имя отца, и сына, и святаго духа, святыя и живоначальныя троицы, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь, и по благословению отца нашего Антония, митрополита всея России, се аз, многогрешный и худый раб божий Иоанн, пишу сие исповедание своим целым разумом...

Глаголет господь: «мною царие царствуют и сильнии пишут правду»...

А что, по множеству беззаконий моих, божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния, и скитаюся по странам, а може бог когда не оставит, и вам есмь грехом своим беды многия нанесены, бога ради, не пренегайте в скорбех, возвержите на господа печаль свою, и той вас препитает, по пророку глаголющу: «отец мя и мати остависта, господь же восприимет, понеже бо вся в руце господеву, яко чаша уклони от сия, в сию смиряет, а сего возносит, никто же бо приемлет честь от себе, но званный от бога, дает бо власть, 428 ему же хочет, и воздвизает от земли убога и от гноища возносит нища, посадити его с князи людей, и престол славы наследует ему».

А докудова вас бог помилует, свободит от бед,... [4, с. 426-434].

Далее можно наблюдать, как все та же неординарная личность своей эпохи в завещании слагает свою собственную молитву и молится.

Царь Иван IV (Грозный) – 1572/16 в.

*Но что убо сотворю, 427 понеже Авраам не уведо нас, Исаак не разуме нас, и Израиль непозна нас! Но ты, господи, отец наш еси, к тебе прибегаем, и милости просим, иже не от Самарии, но от Марии девы неизреченно воплотивыйся, от пречистых тя ребр воде и крови, яко масло, возлияв, **Христе, боже**, язвы струп моих глаголюще душевныя и телесныя, обяжи и к **небесному сочetaй мя лику**; яко милосерд, **господи, боже мой**, мир даждь нам, разве тебе иногo не знаем, и имя твое разумеем; просвети лице твое а ны и помилуй ны. Твоя бо есть держава неприкладна, и царство безначално и бесконечно, и сила, и слава, и держава, ныне, и присно, и во веки веков, аминь [4, с. 426-434].*

Ряд княжеских волеизъявлений оканчиваются угрозой расплаты своим потомкам, в случае ослушания наставлений. Заручившись именем Божиим, князья угрожают расплатой своим потомкам, если последние нарушат завет.

Князь Иван II (Красный) – 1358/14 в.

*А хто сю грамоту порушитъ, судить ему **Бог**, а моего **благословенья не буди ни в сий век, ни в будущий** [4, с. 15-19].*

Князь Иван IV Грозный – 1572/16 в.

*А кто сию мою душевную грамоту порушит, тому **судит бог, и не буди на нем мое благословение** [4, с. 426-434].*

Подводя итог, можно сказать, что религиозная лексика как образный контект духовных завещаний великорусских Князей средневековой России на протяжении трех веков выступала мощнейшим инструментом, влияющим на общественное сознание народа. Что особенно доказательно в диахронической ретроспективе, рассмотренной выше. Оперирование религиозной лексикой позволяло правителю отождествлять себя с заместителем Господа (Бога) на земле. Тем самым Монархом подчеркивалась безапелляционная власть и влияние на народ посредством веры в сверхзначимое божественное, а соответственно, беспрекословное подчинение воле правителя и политике государства.

Ссылки:

1. Патюкова Р.В. Тип текста как компонентная составляющая вида и подвида дискурса // Лингвистика: традиции и современность. Ростов на/Д, 2009. С. 199-200.
2. Словарь юридических терминов. URL: <http://dic.academic.ru/>
3. Современный толковый словарь русского языка / под редакцией Т.Ф. Ефремовой. URL: <http://www.efremova.info/>
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подготовлено к печати Л.В. Черепниным. М.-Л., 1950.
5. Патюкова Р.В. К вопросу о дифференцированных отношениях между дискурсивными сферами // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2010. С. 97–103.
6. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2009.
7. Ожегов СИ. Словарь Русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1986.